

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 111; 130.3

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-566-570

ЧЕЛОВЕК КАК СУЩЕСТВО, ПРОЛАГАЮЩЕЕ ГРАНИЦЫ

MAN AS A CREATURE ESTABLISHING THE BOUNDARIES

Т.Ю. Денисова

T.Y. Denisova

Сургутский государственный университет,
Россия, 628412, г. Сургут, проспект Ленина, 1.

Surgut State University,
1 Lenina av., Surgut, 628412, Russia,

E-mail: denisovasever86@bk.ru

Аннотация

Предметом рассмотрения статьи является феномен границы в соотнесении с проблемой сущности человека. Цель данной работы – предложить модель объяснения решения человеком важнейших экзистенциальных задач самопознания и достижения самотождества. Показано, что эти задачи решаются индивидом в процессе установления своих наличных границ и своих пределов возможного. И установление, и разрушение или перемещение границ представляют собой творческие свободные акты личности в стремлении достичь единства с собой. Соответственно, экзистенция всегда сопряжена с трансцендентными актами, процессом установления и разрушения границ.

Abstract

The problem of achieving self-identity in the process of existence returns us to the well-known Sartre question of the relationship between the primacy of essence and existence in the being of a thing and a person. An important feature of existence is that this being is not within its predetermined, ready-made individual form, its monadic shell, but always outward, an attempt to exist outside of itself.

The focus of the following essay is a phenomenon of boundary considering within the perspectives of philosophical anthropology in correlation with the problem of human essence. The aim of this article is to offer a model of explanation of the human's solution of the important tasks of achievement the self-knowledge and the unity with himself. It is shown, that they can be solved in the process of establishment of present borders and limits of possible future. The establishment of boundaries and their destruction or displacement are free creative acts of any person in the effort to reach the unity with him. Thus, existence is always connected with transcendental acts, with the process of establishment and deconstruction of the borders.

Ключевые слова: граница, сущность, трансценденция, человек, экзистенция, энтелехия.

Keywords: border, substance, transcendence, human, existence, entelecheia.

Хотеть жить – это хотеть занимать еще точки пространства и времени,
то есть восполнять или дополнять себя тем, чем мы сами не обладаем.

М.К. Мамардашвили

Около двадцати пяти столетий отделяет нас от времени, когда были сформулированы две основополагающие задачи человеческого существования, не теряющие актуаль-

ности по сей день. Первая из них – «Γνῶθι σαυτόν» («Узнай себя»), известная по изречению на фронтоне храма Аполлона в Дельфах, стала свидетельством рождения личностного начала в человеке. Вторая, принадлежащая греческому поэту Пиндару, – «Γένοιό οἷός ἐσσι μαθών» – «Будь таким, каким ты себя познал» или «Будь, каков ты есть, а ты знаешь, каков ты есть» [6], стала восприниматься в контексте современной цивилизации как императив, направленный против тотального разлада с миром и собой.

Познай себя, чтобы познать мир как целое, в которое ты включен в качестве части. Стань тем, кто ты есть, чтобы обнаружить свое место и назначение в единстве целого. Но что значит стать, если ты уже есть, то есть уже обладаешь свойством «быть»? Можно ли уже быть, но еще не стать?

По мысли А.В. Ахутина, «каждое сущее *есть* в той мере, какая ему отмерена соразмерностью целого и в какой оно эту меру наполняет. Чрезмерность, неполная мера или несоразмерность существования – неуместность, несвоевременность, неподходящее усилие или негодное отношение – не позволяют сущему сбиться самим собой» [1, с.149]. Человеческое существование определено многими мерами, обуславливающими и определяющими его подлинность: мерой времени его жизни, места, сил, умений, событий, возможностей. Но даже в тех случаях, когда они задаются извне (как срок жизни, эпоха, события, физические возможности), они имеют значение только постольку, поскольку переживаются и осмысливаются самим индивидом, значит, участвуют в реализации его сущности, его целей и назначения не сами по себе, а в результате его собственного устремления и усилия. Усилия стать собой.

Проблема достижения самотождества в процессе существования возвращает нас к известному сартровскому вопросу о соотношении первичности сущности и существования в бытии вещи и человека. Важная черта экзистенции состоит в том, что это существование не внутри своей заданной, готовой индивидуальной формы, своего монадического панциря, а всегда выход вовне, попытка существования вне себя. Специфика человеческих границ – в отсутствии жесткой закреплённости. Они всегда есть – и всегда неокончательны, то есть обладают способностью трансформироваться, «растягиваться» новыми возможностями, потенциями, устремлениями, способами взаимодействия со средой. Специфика существования человека в границах не есть простое пребывание внутри своего, пусть даже динамическое пребывание (ведь жизнь всегда предполагает процесс) – это способ бытия, подразумевающий трансцендирование как его необходимое условие, то есть это способ бытия, диалектически соединяющий интенции к установлению и пересечению границ.

Подлинное отношение индивида с реальностью – не только отдельность, но и включенность; уникальность, выросшая из универсальности; частное, связанное с общим. Поэтому граница является необходимым условием и существования, и сущности. В любой момент своего существования индивид представляет собой некий смысловой топос, облеченный границами. Граница дает место и отделяет от тотальности, но она включает и соединяет. Она замыкает индивида, позволяя ему быть целостностью, но, будучи подвижной и проницаемой, дает возможность этой целостности расти и меняться. Экзистенция, таким образом, может быть сопоставима с «ничто» (понимаемым не как отрицание бытия, а как его условие). Она в этом смысле – пустота, в которой благодаря флуктуациям понимающего и творческого человеческого усилия, человеческой энергии и возникает субъект. Это усилие ничего не гарантирует, ничем не обеспечено, ни в чем не находит опоры и завершения.

В Книге Екклесиаста, где перечисляется все, чему «свое время» – время любить и ненавидеть, разбрасывать и собирать камни, содержится неожиданная мысль о том, что у человека нет времени собирать плоды своих трудов или хотя бы увидеть их: «Нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это – доля его; ибо кто приведет посмотреть на то, что будет после него?» [4: Еккл. III, 22]. И человек, и труды

его, и пребывание на земле не достигают энтелехии, не бывают завершенными, законченными, совершенными. Человек никогда не может сказать, что он все исполнил, что был должен. Он, конечное существо, всегда имеет дело с чем-то таким, чему нет конца и завершения.

Ж.-П. Сартр говорил, что в этом смысле человек никогда не есть то, что есть, он всегда или позади, или впереди самого себя. То есть он никогда не есть, но в то же время всегда есть. Эта позиция Ж.-П. Сартра о никогда не достигаемой сущности человека ясна и убедительно обоснована и воспринимается часто как азбучная истина. При том, что человек, исходя из сущности собственного Я, осознает действительность, конструирует мир со всеми его границами и смыслами, строит отношения с ним, вынужденный – даже декларируя объективность как цель, – возвращаться к своему Я, это самое Я оказывается самой эфемерной вещью на свете. Но никакой другой опоры, кроме глубины собственного Я – этой «пустой химеры», «мертвой точки», «нежити», как выражается А.В. Ахутин [2], у человека нет. Я инородно всему в мире, не способно вмещаться ни в какое определенное место, неуместно, бездомно, – и эти его изгойство и неуместность, и их осознание, и вечные поиски «дома», причастности, соучастия, места (а значит – границ) составляют суть его экзистенции.

Отсюда закономерно возникает вопрос – обладает ли экзистирующий субъект сущностью, пусть иначе, чем вещь, но хоть каким-то образом?

Довольно часто случается услышать выражения «дело всей жизни», «любовь всей жизни», «смысл всей жизни». Все они как бы предполагают, что жизнь конкретного индивида имеет изначально цель, предназначение и способна достичь абсолютной завершенности и полноты. Однако это не так. Ни в один момент времени жизнь не дана целиком – не только в своих временных границах, но и смыслах. Она никогда не «вся». Быть «всей» – значит, быть замкнутой в границах, причем окончательных. Но жизнь, по сути, всегда разворачивание неясного, невидимого нечто, обретения им определенности, узнаваемости, возможности артикуляции. Но и ядро, сердцевина жизни личности, эта исходная точка разворачивания и ее будущие края тонут в неясности, позволяя лишь строить догадки, что было началом и насколько окончателен конец. «Границ души тебе не отыскать, так глубок ее Логос», – предупреждал Гераклит. Однако невозможность выполнения этой задачи не снимает ее как задачу. Во все времена в поисках согласия с собой, сбывания собой человек пытался обнаружить и маркировать границы «своего».

Как нам представляется, поиски себя происходят в двух противоположных процессах, направляемых центростремительной и центробежной силами. С одной стороны, человек пытается захватить, освоить, присвоить, вобрать в себя то, что попадает в поле зрения за пределами своего наличного, а с другой, будто следуя совету Марка Аврелия «Свернись в самого себя», вгрызается в собственную глубину, сердцевину, отыскивая то, без чего он – не он. То есть человеку в равной степени свойственно искать не только свои пределы в процессе разворачивания, но и свое средоточие, центр, сущность в попытках сворачивания. Трансценденция и желание овладеть всем есть выражение желания стать собой, и при этом бесконечное неостановимое движение от себя, во-первых, невозможно для конечного существа, а во-вторых, здесь начинает действовать логика создания и существования империи: процесс завоевания все новых рубежей не позволяет освоить, структурировать, осмыслить уже завоеванное. Человек, желающий быть везде, остается подвешенным в своей пустоте. Х.-Л. Борхес приводит пример из китайского эпоса о том, как демон замечает раненному им чародею, который обернулся четырьмя тысячами чародеев: «Умножиться не диво, ты попробуй воссоединиться» [5, с. 686].

Опыт Александра Великого – пример разворачивания, опыт его современника Диогена – пример сворачивания. Экспансия и аскеза – два пути установления границ: в первом случае границы там, где тебе уже ничего не принадлежит и не будет принадлежать, во втором – там, дальше чего тебе ничего не нужно, чтобы продолжать быть собой. Та же

проблема, но несколько иначе может быть представлена в ницшевском сравнении образов Диониса и Аполлона, двух символических начал, двух состояний человека. Дионисийский разгул – это попытка человека испытать свои пределы, достичь границ возможного и попытаться их перейти, превосходя в этом открытии границ самого себя. Аполлон, как символ разумности, рациональности, меры, дает человеку пример достижения не «всего», а лучшего, правильного, совершенного. И в том, и в другом образе задаются границы человека, но в первом это стихийная страсть первопреходца, испытателя, готового на все в неудержимом стремлении обнаружить границы возможного; во втором – просчитанная, рациональная попытка установления границ правильного, разумного бытия, завершенности, совершенства, максимального соответствия образцу. То есть в образе Диониса воплощена интенция достичь границ возможного, в образе Аполлона – границ образца, энтелехии.

В греческой мифологии и трагедии ярко представлена также и комбинация этих интенций. Она воплощена в понятии *ἕβρις*, являющемся, по сути этическим принципом поведения героев. Буквально оно может быть понято как «гордость», «дерзость» и означает поведение, выходящее за рамки принятого, дозволенного традицией и богами. Под *ἕβρις* понималось нечестивое отношение к богам, нарушение социальных правил, осуждаемое не только традицией, но и подлежащее наказанию в юридической практике. Однако *ἕβρις* являлся вместе с тем неотъемлемым элементом проведения героя, способом реализации его «героических» потенций и интенций, тем, без чего он не стал бы самим собой.

Что такое Одиссей без Итаки и драматического возвращения на Итаку? Антигона без нарушения запрета хоронить брата? Прометей без похищения огня? Сократ, покающийся по всем пунктам обвинений?

Получается, что, нарушая и пересекая границы наличного, человек решает парадоксальную задачу: двигаясь к краю и заглядывая за край, он держит в уме цель не уйти от себя подальше, а встретиться с собой, обрести себя. Выходя из себя, трансцендируя за границы привычного своего, он собирает себя. При этом внутреннее единство, целостность, собранность в своем существе и отличие себя от иного, интеграция своего и дезинтеграция с чужим в процессе не замыкания в своем, а именно трансцендирования осознаются им как сложнейшая, но жизненно важная задача. Разумеется, трансцендирование не представляет собой бесцельное бегство от себя, и нарушение границ – не самоцель. Этот процесс и не хаотичен, и не предзадан кем-то или чем-то изначально.

В процессе существования с субъектом могут происходить события, внешние по отношению к его личности, причины которых не связаны с ним смыслами. Однако, сталкиваясь с субъектом, эти события получают смысл внутри его личности, встраиваются в его наличное бытие и перспективы, исходя из целостности его натуры. Событие становится судьбоносным не в силу какой-то внешней телеологии, а потому что осмысливается с позиций определенного субъекта. Более того, нереализованные возможности, которые не осуществились именно в жизни этого субъекта, имеют к нему отношение, и потому они, хоть и остались вне его существования, все же не ничто. В.В. Бибихин приводит в связи с этим очень выразительный пример. В известном шумеро-аккадском эпосе о Гильгамеше о герое сказано: «В дальний путь ходил, но устал и вернулся». Какое отношение эта недостигнутая цель имеет к личности героя, выражает ли она его неполноту, ущербность? Нет, пишет В.В. Бибихин, в этой усталости нет никакого позора и слабости – это тоже достижение: «Это не отчаяние, а особенная полнота, которая, однако, не может показать себя, потому что она не в завладении миром, а наоборот, в трезвом отказе от завладения» [3, с. 63]. Устремленность за границы и попытки их пересечения – не просто осуществление разнореального будущего, где актуальное – условие потенциального. Это и сам процесс конструирования этого возможного будущего в мечтах и планах. Желание другого уже означает прораствание в это другое, присутствие в другом. Даже «прекрасное невозмож-

ное» не отделено от актуального непреодолимой стеной, поскольку связано с ядром личности: у каждого свое «прекрасное невозможное».

Фактически человек всегда находится на границе своего и иного, имманентного и трансцендентного, наличного и возможного. Нуждаясь в границах, прокладывая границы, пересекая их или упираясь в них, ностальгируя о за-граничном, ином, замыкаясь в «своем», он является не просто вечным обитателем границы: его можно назвать *Homo definiens ad terminus* – «человеком, прокладывающим границы».

Список литературы

References

1. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб. Наука. 2007. 783 с.
Akhtutin A.V. Ancient philosophy's origin. SPb. Nauka. 2007. 783 p.
2. Ахутин А.В. Записки из-под спуда // Архе-1. URL: <http://bibler.ru/arche1.html>
Akhtutin A.V. Notes from the stock. Arkhe-1. URL: <http://bibler.ru/arche1.html#zapiski>
3. Биbihин В.В. Мир. СПб. Наука. 2007. 431 с.
Bibikhin V.V. The world. SPb. Nauka, 2007. 431 p.
4. Библия. Кн. Екклесиаста. Любое издание.
Bible. Ecclesiast.
5. Борхес Х.-Л. Собр. соч. Т.2. Произв. 1942-1969. СПб. Амфора. 2011. 847с.
Borges J.-L. Collected works. V.2. Works of 1942-1969. SPb. Amfora. 2011. 847p.
6. Пиндар. Пифийские песни. 2. «Иксион», Гиерону Сиракузскому. 3, 71-72. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/pindar/pindar04.htm>.
Pindar. Pithian songs. 2 "Iksion", To Hieron of Syracuse 3, 71-72.]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/pindar/pindar04.htm>